

10 МАЯ

Вот идёт вдоль шоссе неестественно прямо
Человек в незастёгнутой мятой рубашке.
(В это утро так вышло: он весь нараспашку).
Путь неровен, всё время какие-то ямы.

Проводил на вокзале приятеля. Выпил.
Там, за стойкой буфета обрёл одноверца.
Снова выпил и сам не заметил, как выпал
Груз, надёжно хранившийся в камере сердца.

Неумело, старательно, нежно, бескрыло,
Но, как может, он верен жене и Отчизне:
В марте отдал свой голос, как велено было,
А теперь вот готовится жертвовать жизнью.

И не он виноват, что ни ликом, ни чином
Не отмечен, что пасмурен нравом, как осень.
Но жена и страна не считают мужчиной
Тех, кто даже десятки домой не приносит.

...Он бредёт и кричит, что докажет кому-то,
Наступает на клумбы, увлекшись беседой...
И следит с изумленьем за этим маршрутом
К веткам вяза прибившийся шарик: “С Победой!”

Нет ни денег, ни паспорта. Ёжик в тумане,
Не чутьём, так хоть чудом добредший до лета,
Отдал всё. Но трепещет на левом кармане
Полосатая огненно-чёрная лента.

В ВИФЛЕЕМЕ

Она улыбалась спокойно и чуть горделиво:
От дома Давидова древний продолжился род.
И зрела луна, словно с ветки склонённой оливы
Под собственной тяжестью к людям сорвавшийся плод.

Она улыбалась и плакала. Что-то в Ней пело,
Не зная до времени скорби грядущих потерь.
И боль позабыла, не смея поверить, что тело
Пригодно к рождению и к Чуду причастно теперь.

Младенец не спал, и глаза Его были, как звёзды.
И голосом слабым — так луч посылают во тьму —
Она наклонилась согреть остывающий воздух:
Что пела Ей Анна — запеть попыталась Ему.

И глянул Ей в очи Младенец — всем Царством Небесным,
Всем светом нездешним, сошедшим с иных облаков.
И замерло пенье. И Матери стало известно
Всё-всё на земле и на небе, во веки веков.

МАЛЬЧИКИ

1

В родильном доме номер три
Рожают втихомолку.
“Терпи, родная. Не ори!
От этого нет толку”.

Взовьётся голубь — вот и всё! —
Над сонной синью окон,
А утром нянька принесёт —
Три сто, три двести, три пятьсот —
Тугой душистый кокон.

...На каждом свёртке метка “Р.О.”,
И номерок в придачу.
— “Не плачут мальчики!” — старо!
Мне можно — я поплачу...”

Но лучше плачьте! В мире мрак
И холод превеликий.
Как в крике вас рожали, так
Рождайте душу в крике!

Когда наплачетесь, уснуть
Совсем легко и сладко,
Головкой к матери на грудь
Приладившись украдкой.

И пахнет мёдом луговым
В пушке белёсом кожа...
Сон безмятежен даруй им,
Всё ведающий Боже,
Посапывающим, живым,
На ангелов похожим...

2

Мамашки в палате:

- Сплошное насилие!
- Жить страшно...
- Слыхали, девчонки, про Сирию?
- Читали.
- Слыхали.
- Несчастный народ...
- Закрой интернет — молоко пропадёт.

Присели, чуть-чуть помолчали,

Младенцев своих покачали,

И снова:

- Две девочки,
- Девять ребят!
- Мальчишки родятся к войне, говорят.

3

— “Божия коровка,
улети на небо.
Там твои детки,
кушают конфетки!”
— Я увидать деток
Так давно хотела!
Сорвалась бы с веток —
Да и полетела!

Знать бы, что такое
Там, за синей бездной.
Их у меня двое
На лужку небесном.

— Так лети, коровка!
— Не могу, родная.
На зелёной ветке
Тоже ведь нужна я.

Там на двух листочках,
Далеко от неба,
Ждут сынок и дочка,
Молока и хлеба.

— Счастье, знать, большое!
— Больше и не надо!
Двое там, да двое
Тут, со мною рядом.

Я детей питаю
Песнями да хлебом,
Целый день летаю
Меж землёй и небом.

Так тяжело вас рожали,
Так вы непросто росли,
Чтобы теперь вот лежали
Средь незнакомой земли?

Сколько прочитано книжек:
— Сильным и смелым расти!
Самых хороших мальчишек
Не удержать взаперти.

Первые ласточки в стае,
Несшие весть о весне,
Пали в Афганистане,
В Боснии или в Чечне.

Зовам далёким не внемля,
Словно отпущенный грех,
Крыльями обняли землю,
Угомонившую всех.